

Орлов И.Б.

д.и.н., проф. ГУ-ВШЭ

История повседневности: смерть или новое рождение?

Развитие современного гуманитарного знания демонстрирует два противоположных, на первый взгляд, тренда. С одной стороны, усиливается специализация различных научных дисциплин, а с другой стороны, очевидны отказ от дисциплинарной «чистоты» и стремление к новому научному синтезу. Впрочем, эти процессы взаимосвязаны в силу того, что расширение интеграционного поля является следствием и итогом растущей научной специализации. Наглядный пример тому - активно разрабатываемая в последнее двадцатилетие на Западе и в России близкое к социальной (и отчасти к культурной) истории направление – история повседневности, родоначальниками которой стали германские историки Альф Людтке и Ханс Медик, и чьи исходные позиции базируются на соединении идей Франкфуртской школы философии истории, марксизма, англо-американской антропологии, постструктурализма и герменевтики.

Изучение «повседневного лица фашизма» началось в Германии с конца 1970-х гг., а окончательно новое направление сложилось в ходе острых дискуссий первой половины 1980-х годов. Представители истории повседневности в ФРГ со своим требованием возвращения в историю человека считались радикалами¹ по сравнению с доминирующей тогда «исторической социальной наукой» билефельдской школы, делавшей упор на социальных процессах, группах и структурах. В качестве замены структурного подхода в историческом исследовании было предложено изучение прерывности и непрерывности общественного бытия. Конфигурация форм повседневной жизни при этом выстраивается через

¹ Характерной для истории повседневности стала «левая» политическая ориентация ее представителей, находившихся под влиянием марксизма. Неким эталоном служили труды английских марксистов и, прежде всего, Эдварда Томпсона. Но, в противовес марксизму, в основу нового направления был положен не поиск средней нормы поведения людей, а, наоборот, представление того, как индивиды и группы выражают свои интересы и вносят свой вклад в общую копилку человеческого опыта, постепенно меняющего мир.

повторение опыта, которое, в свою очередь, означает подчинение власти и выступает как условие стабильности. Кроме того, призыв к исследованию истории на местах привел к созданию населением многочисленных «исторических мастерских», что критиками истории современности расценивалось как депрофессионализация исторического знания. Первоначально, по признанию А. Людтке, содержание истории повседневности составляла реконструкция истории противостояния и сопротивления нацистскому режиму «рядовых людей» и, в частности, социал-демократов и коммунистов, а также масштабов поддержки и преданности, которые оказывали режиму люди в их стремлении выжить. Представителям нового направления удалось построить объясняющую модель немецкого «особого пути» развития в позднее кайзеровское время и в Веймарской республике. Согласно этой модели, к национал-социализму страну привели дефицит модернизации и неравномерное экономическое и политическое развитие.²

В дальнейшем в рамках нового направления определилось два ведущих подхода, отличавшихся степенью разрыва с предшествовавшей историографической традицией. «Статичная» концепция Петера Боршейда и его последователей, заимствовавшая понятийный аппарат из социальной теории Арнольда Гелена, заострявшая внимание на «повседневной деятельности», в которой преобладает элемент «повторяемости», предполагала четкое разделение между сферами повседневной и не повседневной жизни³ и подчеркивала преемственность с прежними представлениями социальной истории, где главное внимание уделялось «структуре» общественных отношений. Тогда как «динамический» подход увязывал противоречивый характер радикальных исторических изменений «с производством и воспроизводством действительной жизни». То есть речь

² Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999. М., 1999. С. 78-80.

³ При этом устанавливалась своеобразная иерархия, в которой повседневная жизнь рассматривалась как «подготовительная стадия» для изучения неповседневных событий.

шла не только о будничной борьбе за выживание: на первый план выдвигалась реконструкция социальной практики людей.⁴

При этом акцент делается на их сопротивление авторитетам или доминирующим историческим процессам. А. Людтке в 1990-е годы даже ввел понятие «своенравие», под которым подразумевал своеобразную реакцию на идущую сверху политику и специфическое толкование индивидуумом окружающего мира. Своенравие может поддерживать власть, а может ее ограничивать. Оно стоит между «властью» и «сопротивлением», которые в истории повседневности долго рассматривались как взаимоисключающие полюса.⁵

В определенной степени, историю повседневности можно рассматривать как «колонизацию» социальных наук изнутри для придания им черт историчности. В силу этого на рубеже XX-XXI столетий программа и инструментарий данного направления все больше расширяются, переплетаясь с другими течениями, особенно с микроисторией и биографической историей, с историей эмоций, исторической антропологией и социологией. При этом в самой Германии после короткого взлета начала 1990-х годов, когда с ее помощью было изменено одностороннее представление о Советском Союзе 1920-1930-х гг. и ГДР после 1949 г., история повседневности оказалась существенно потесненной новой культурной историей, обвинившей повседневную историю в неспособности «к комплексной теоретической постановке вопросов».⁶ Означает ли это очередную смену научной парадигмы или речь идет о новом качественном этапе развития истории повседневности?

⁴ Людтке А. Указ. соч. С. 82-84.

⁵ Обертрайс Ю. Введение // Эпоха. Культуры. Люди (история повседневности и культурная история Германии и Советского союза. 1920-1950-е годы). Материалы межд. научн. конф. (Харьков, сентябрь 2003 г.): Сб. докладов. Харьков, 2004. С. 5-7.

⁶ Циманн Б. Результаты и противоречия культурной истории. Некоторые замечания // Эпоха. Культуры. Люди ... С. 336-337

Думается, что констатация «смерти» этого направления исторического знания преждевременна. Свидетельство того – исследовательский⁷ и издательский⁸ бум в нашей стране, связанный с различными аспектами повседневной жизни людей. Более 10 лет в журнале «Родина» функционирует рубрика «Российская повседневность». Сегодня можно говорить о наличии целой когорты российских ученых, чей исследовательский интерес лежит в плоскости изучения повседневной жизни.

Кроме того, историю повседневности следует рассматривать не только как направление внутри германской исторической науки, но и как некий тренд в развитии мировой исторической мысли, связанный с кризисом объяснительных моделей «большой» политической истории и, прежде всего, истории элит и структур. Не случайно американский социолог и историк Ч. Тилли в середине 1980-х годов призвал к инкорпорации повседневной жизни «в бурные воды исторического процесса».⁹

Впрочем, корни этого направления лежат хронологически глубже. Задолго до появления повседневной истории как направления бытовая

⁷ См., например: Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов, 2004; Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб., 2001; Доронина М.В. Культура повседневности русской разночинной интеллигенции во второй половине XIX века: соотношение «идеального» и «реального»: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2004; Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945-1953. М., 1999; Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996; Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999; Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003; Лившин А.Я. Орлов И.Б. Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002; Рожков А.Ю. В кругу сверстников. Жизненный мир молодого человека в советской России 1920-х годов. Краснодар, 2002; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России. М., 2001. и др.

⁸ См., в частности, издательскую серию «Молодой гвардии», включившую в себя реконструкцию повседневной жизни от греческих богов и первых христиан до сталинской Москвы. (Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху (20-30-е годы). М., 2003). Или серию воениздатовскую «Редкая книга», в которой в числе прочих сюжетов присутствует и история повседневности. (Быт русской армии XVIII – начала XX века / Автор-составитель С.В. Карпущенко. М., 1999).

⁹ Tilly C. Retrieving European lives // Reliving the past. The Worlds of social history. Chapel Hill-L., 1985. P. 11-52.

сторона находила отражение в исторических трудах в качестве дополнения и украшения «большой» истории. Своеобразным рубежом в истории повседневности стала в начале XX века издательская деятельность А. Берра - основателя журнала «Исторический синтез», на страницах которого печатались Марк Блок и Люсьен Февр. Именно в рамках основанной ими «Школы Анналов» в центре исторических исследований все чаще стал появляться простой человек со своими повседневными проблемами. С новой силой интерес к изучению повседневности в западной истории и социологии, присутствующий уже в работах Георга Зиммеля и Мориса Хальбвакса, возник после Второй мировой войны, когда французские историки, объединившиеся вокруг журнала «Анналы» - Фернан Бродель, Филипп Арьес и Роже Шартье – в противовес «традиционной» истории занялись изучением длительных временных промежутков. Во французской традиции изучение повседневности идет из поздних экспериментальных тактик левого искусства – от сюрреализма до ситуативизма, которых интересовали отклонения от официальных практик и теорий. Так, работа Анри Лефевра о повседневной жизни в современном мире продолжала артистические традиции левого искусства. Мишель де Серто написал историю «изобретения повседневности» в полемическом диалоге с Мишелем Фуко и Пьером Бурдьё. Он показал, как в XVII веке во Франции искусство «с большой буквы» отделилось от искусства жить: искусства разговора, городских прогулок, приготовления еды и других видов жизнедеятельности.¹⁰

Сам термин «повседневность» в широкий научный оборот был введен Броделем. Признавая, что само название «далеко не идеальное обозначение» сути повседневной истории, «принятое за неимением лучшего», Людтке считает, что оно оправдывает себя как «краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической

¹⁰ Ионин Л. К антропологии повседневности // Его же. Свобода в СССР / Статьи и эссе. СПб., 1997. С. 37-38.

традиции, которая исключала повседневность из своего видения».¹¹ В западногерманской исторической науке, по мнению Фолкера Ульриха, «произошла смена перспектив: от изучения разреженной атмосферы канцелярий и салонов, деяний верховных лиц и государственных событий, от анализа глобальных общественных структур и процессов она обратилась к малым жизненным мирам, серым зонам и нишам повседневной жизни».¹²

История повседневности призывает к воспроизведению «всего многообразия личного опыта и форм самостоятельного поведения», к изучению «человека в труде и вне его». То есть центральными в анализе повседневности становятся «жизненные проблемы тех, кто в основном остались безымянными в истории». И, прежде всего, вопрос о том, как люди переживают воздействие разнообразных структур и процессов. Отказ от изучения политики сверху был продиктован подчеркиванием того, что именно внизу, на микроисторическом уровне, сталкиваются общественный и частный интерес. Только так, по мнению Людтке, можно избежать изображения людей в качестве «марионеток». Однако освещение «местных» особенностей требует выхода за пределы изучения только «простых» людей, поскольку тон социальным отношениям и конфликтам задают права на собственность и власть и, в особенности, их символическое выражение. История повседневности провозгласила также отказ от односторонних представлений марксизма о возможности объяснить прошлое, исходя из действия экономических императивов и «объективных условий», добавив в объяснительную историческую модель субъективный фактор. При этом реконструкции не ограничиваются маленькими изолированными мирами. Перспектива расширяется при использовании различных форм «насыщенного повествования» путем обращения к более широкому

¹¹ Людтке А. Указ соч. С. 77.

¹² Цит. по: Кокка Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей // THESIS. Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 175.

контексту. Подобный подход позволяет увязать опыт, восприятие, представления и действия со структурами и процессами.¹³

В лице германской истории повседневности впервые была сделана попытка определить историю повседневности как своего рода новую исследовательскую программу, еще один исторический синтез, подобный тому, что был предпринят в свое время в «Анналах». Об этом свидетельствует вышедшая в конце 1980-х годов в Германии книга «История повседневности. Реконструкция исторического опыта и образа жизни», переизданная в США в 1995 г.¹⁴ Сторонники истории повседневности призывают не к замене, а к уточнению структурного подхода с целью обогащения нашего понимания прошлого, отдавая, тем не менее, приоритет изучению повседневной жизни. Это позволяет, по их мнению, раскрыть дихотомию между институциональным и человеческим факторами.

Существенное принципиальное отличие истории повседневности (как и социальной истории вообще) заключается в понимании изучения истории как процесса реконструкции прошлого.¹⁵ При таком подходе задача исследователя состоит в том, почувствовать в истории повседневности то, что выражает дух времени. Необходимо создать сплав судьбы человека и времени, в котором он жил, чтобы его поступки и поведение получили историческую оценку. В силу этого основой истории повседневности манифестируются производство и воспроизводство действительной жизни, где участники не только объекты, но и субъекты истории.¹⁶

¹³ Людтке А. Указ соч. С. 77,95-96,100; Кокка Ю. Указ. соч. С. 180,182-183,186-187.

¹⁴ The History of Everyday Life. Reconstructing Historical Experiences and Ways of Life / Ed. By A. Ludtke. Princeton, 1995.

¹⁵ История повседневности существенно раздвигает источниковую базу исследований за счет синтеза работы с различными группами источников: документами местных архивов и индивидуальными биографиями, аудиовизуальными средствами и этнографическими материалами. О реконструктивных возможностях истории повседневности см.: Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электростанции в советском обществе 1920-1930-х гг. М., 2000. С. 15-16.

¹⁶ Соколов А.К. Источниковедение и путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Мир историка. XX век: Монография. М., 2002. С. 326-327.

«Историческое полотно» в истории повседневности выступает главным образом в языке, дискурсе, кодах и матрицах поведения. В целях преодоления противопоставления объекта и субъекта предлагается понимание дискурса в духе Ю. Хабермаса, как рационального диалога, свободного от власти, понуждения и идеологии. Упор при этом делается на изучение символов, способов поведения, привычек, знаков, ценностей и «маленьких традиций», переходящих от поколения к поколению. Именно на этой основе предлагается соединить кратковременные и долговременные исторические процессы, сделать историю многокрасочной, состоящей из лоскутных композиций типа рукодельных цветных ковриков – «пэчвоков».¹⁷

Конечно, в целом для исследований различных аспектов истории повседневности характерны терминологическая эклектика и методологический плюрализм. Существенный разброс в трактовке понятия «повседневность» отразила прошедшая в 1994 г. Петербурге Международная конференция по истории советской повседневности.¹⁸ Спустя десятилетие М.М. Кром сделал заключение об отсутствии универсального и пригодного на все случаи жизни понятия «повседневность», в силу чего определил «оповседневнивание» истории как исследовательский инструмент.¹⁹

Действительно, категория «повседневность» в качестве общего понятия для различных форм общности и взаимодействия на уровне отдельных деревень, фабрик, городов или жилых кварталов слишком аморфна. Тем не менее, большинство исследователей под повседневностью понимают нечто привычное и рутинное. Со времен романтизма повседневность видится как «пошлость жизни», застой и повторение, лишённые поэтического смысла.²⁰ Так, согласно интерпретации немецкого

¹⁷ Там же. С. 329-330; *The History of Everyday Life ...* P. 49,73-75.

¹⁸ Российская повседневность 1921-1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995. По этому поводу см.: Горинов М.М. Советская история 1920-30-х годов: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 270.

¹⁹ Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности. СПб., 2003. С. 11.

²⁰ Бойм С. Общие места: Мифология повседневной жизни. М., 2002. С. 67.

социолога и философа Георга Зиммеля, повседневность противопоставляется приключению, как состоянию наивысшего напряжения сил и особой остроты переживаний.²¹ Развивая шпенглеровскую теорию противопоставления культуры, характеризуемой состоянием творчества, и цивилизации как периода творческой стагнации, немецкий философ и социальный теоретик Герберт Маркузе рассматривал повседневность как характерное качество именно цивилизации.²² Напротив, у А. Лефевра повседневность выступает базисом творчества, «местом дел и трудов».²³ Сходных взглядов придерживалась А. Хеллер, для которой именно в повседневном происходит реализация естественных потребностей человека, приобретающих при этом культурно-знаковую форму.²⁴

Немецкий философ Эдмунд Гуссерль обозначал понятием «мир повседневности» (или «жизненный мир») некую феноменологическую реальность, то есть индивидуальный опыт субъекта.²⁵ Развивая это направление, австрийский социолог и философ Альфред Шюц дифференцировал все «жизненные миры» на «конечные области значений» (религия, сон, игра, научное теоретизирование, художественное творчество, мир душевной болезни и пр.), то есть знаково-символические сферы языковых конструкций, переход из которых требует определенного смыслового скачка. Ведь одна и та же вещь, например, лепешка пресного текста, в религии, науке и в повседневной жизни имеют разные значения.²⁶

«Архитектор» социальной феноменологии выделил шесть конституирующих элементов повседневности, провозглашенной им «верховой реальностью»:

²¹ См.: Зиммель Г. Проблемы философии истории. М., 1898; Его же. Социальная дифференциация. М., 1909; Его же. Конфликт современной культуры. Птг., 1923; Его же. Избранное. Т.1. Философия культуры; Т.2. Созерцание жизни. М., 1996.

²² Маркузе Г. Одномерный человек. Киев, 1995.

²³ Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М., 1980.

²⁴ Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 1996.

²⁵ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. Новочеркасск, 1994.

²⁶ Ионин Л. Свобода в СССР // Его же. Свобода в СССР / Статьи и эссе. СПб., 1997. С. 12-13; Его же. К антропологии повседневности ... С. 316-317, 323-325.

- трудовая деятельность, ориентированная на внешний мир;
- специфическая уверенность в существовании и достоверности восприятия внешнего мира;
- активное и напряженное отношение к жизни;
- восприятие времени через призму трудовых ритмов;
- определенность личностной самоидентификации;
- особая форма социальности²⁷ как мира социального действия и коммуникации.²⁸

Именно шюцеровская трактовка, получившая развитие в трудах американского социального теоретика и социолога религии Питера Бергера, вошла в арсенал так называемой «новой этнографии», сосредоточившей внимание на реконструкции этнической истории автохтонов, состоящей из комплексов повседневного восприятия.²⁹ В работах американского социолога Гарольда Гарфинкеля повседневность также понимается как процесс интерпретации повседневных взаимоотношений самими участниками этих отношений.³⁰

Однако у Шюца повседневность не рассматривается в исторической динамике. Авторитетный российский социолог культуры Л.Г. Ионин полагает, что в начальные эпохи истории повседневности вообще не существовало, так как она - продукт длительного исторического развития. Соглашаясь с определением труда как универсальной характеристики повседневности, он не убежден, что мир повседневности всегда воспринимался как единственный и подлинно реальный. На начальных этапах человеческой истории мир повседневности рассматривался как один

²⁷ Основной особой формы социальности повседневности выступает интерсубъектное понимание. То есть человек руководствуется предположением, что его партнеры по взаимодействию видят и понимают мир так же, как он сам. Но при этом исчезает личность, а остается только тип (например, «парикмахер» или «клиент»).

²⁸ Schutz F. Collected Papers // The Hague. V. 1-3. 1962-1966.

²⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М., 1995.

³⁰ Филмер П. Об этнометодологии Гарольда Гарфинкеля // Новые направления в социологической теории. М., 1978.

из возможных миров, да и сейчас можно говорить о реальности потустороннего мира в мировоззрении современного верующего. Не всегда явно проявлялось и напряженное отношение к жизни. Скорее, речь должна идти о современной индустриальной повседневности, корни которой лежат в протестантизме. Если в античную эпоху человек отождествлял себя с физическим телом, то в эпоху средневековья - с душой. В первом случае трудовые ритмы совпадали с природными, а во втором возникало внутреннее время. Точно так же по-разному в разные эпохи переживалось и внешнее время. Только в христианскую эпоху время обретает направленность, ибо история получает цель. Одновременно складывается особенный, не совпадающий ни с природным, ни с социальным ритм жизни: это субъективный или личностный ритм, задаваемый церковью. Этот новый ритм «перекрещивается» с природным, и на этом пересечении возникает стандартное время - время трудовых и духовных ритмов повседневности. Для Шюца в повседневности человек ангажирован полностью. Однако личностная вовлеченность людей традиционной эпохи в совершаемые ими действия была большей, чем в современную эпоху отчужденной повседневности.³¹

Повседневность - это ежедневное существование со всем, что окружает человека: его бытом, средой, культурным фоном и языковой лексикой. Но эта самоочевидность повседневности делает ее особенно неуловимой.³² Тогда как исследование повседневности позволяет увидеть длинные промежутки истории и, одновременно, разобраться в «мелочах» жизни. Именно в анализе повседневной жизни содержится ключ к разгадке часто возникающего при знакомстве с конкретными судьбами людей вопроса: как могли люди выживать и сохранять человеческое достоинство в экстремальных условиях революций, войн, террора, голода и разрухи? Как люди приспособивались к жизненным обстоятельствам? Изучение повседневности дает возможность

³¹ Ионин Л. К антропологии повседневности ... С. 328-330,332,335-343,357-359.

³² Французский писатель и критик Морис Бланшо писал, что повседневность – это «вечнонулевое» пространство – вечное и нулевое одновременно.

понять культурную ментальность, которая сохраняется на длинных исторических промежутках, разобраться в том, как теории претворяются в практику, какова этика повседневного поведения, которая состоит из незначительных, но решающих индивидуальных решений и выборов. Повседневность позволяет осмыслить не только правила и запреты данного общества, но и способы уклонения и отступления от них.³³

История повседневности в отечественной историографии представляет собой сравнительно молодое направление. В России «романтическое сопротивление» повседневности (занятие повседневностью воспринималось как саботаж традиционных дисциплин социальных и гуманитарных наук) сохранялось почти до конца XX века. Однако уже в поздних теориях литературоведов возникает интерес к повседневной культуре и ее моделированию – в теориях «литературного быта» Б.М. Эйхенбаума, статьях Ю.Н. Тынянова, Л.Я. Гинзбург и позднее - лотмановской школы.³⁴ С другой стороны, при характерных для советской науки классовых обобщениях повседневность оставалась вне поля изучения историков. Работы А.Я. Гуревича, М.М. Бахтина, Д.С. Лихачева, М.Г. Рабиновича и других исследователей по изучению повседневной культуры средневекового мира представляли собой исключения, идущие в разрез с методологическими установками формационного подхода.³⁵

Современное ощущение повседневности во многом связано с выделением общественных и личных пространств, развитием «среднего класса» и созданием гражданского общества. Не случайно, Л.Г. Ионин для характеристики советской повседневности ввел понятие «тоталитаризм повседневности» как системы взаимоотношений, в которой связь и коммуникация повседневности с другими областями значений максимально

³³ Бойм С. Указ. соч. С. 10-11.

³⁴ Там же. С. 36-37.

³⁵ См.: Гуревич А.Я. Проблема средневековой народной культуры. М., 1981; Его же. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990; Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса; Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. и др.

затруднена. Для «тоталитарной» ситуации характерны резкое отделение повседневности от других сфер и, при необходимости, институционализация этих разграничений на уровне властных структур. Например, в советском секуляризованном государстве религиозный опыт был резко отграничен от опыта повседневности, что институционализировалось на уровне властных структур - Комитета по делам религий при Совмине СССР и особого отдела КГБ. Более того, выявление контактов граждан через посредство церковных институтов со сферой религиозного опыта вело к разрушению их повседневного существования, в том числе, исключению из партии или комсомола. Но в то же время в рамках советской повседневности гражданам предоставлялся эрзац религиозного опыта в виде советской идеологии - хилиастическая вера в окончательную победу коммунизма. Поездки за границу, бывшие предметом деятельности специальных государственных органов, для советских граждан были реальностью особого рода, миром, чуждым повседневности. «Суррогатом» этого опыта были поездки в страны Восточной Европы, где социальные отношения были сопоставимы с советскими, а также поездки в национальные республики Союза, имеющие особенное устройство повседневности.³⁶

В развитии современной отечественной истории повседневности прослеживается несколько взаимосвязанных процессов:

Во-первых, существенное приращение источниковой базы исследований;³⁷

во-вторых, при сохранении традиционного интереса к методологическому инструментарию микроистории и исторической

³⁶ Ионин Л. Свобода в СССР ... С. 14-16,19-22.

³⁷ См., например, изданные РОССПЭНом в серии «Документы советской истории» сборники документов: Письма во власть. 1917 - 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост. А.Я. Лившин и И.Б. Орлов. М., 1998; Письма во власть. 1928-1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. / Сост. А.Я. Лившин, И.Б. Орлов и О.В. Хлевнюк. М., 2002; Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945 / Сост. А.Я. Лившин и И.Б. Орлов. М., 2003; Советская жизнь. 1945-1953 / Сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева, Г.А. Кузнецова, А.И. Минюк, Л.А. Роговая. М., 2003.

антропологии, более активное использование методологического аппарата социальной психологии в целях дальнейшей антропологизации истории повседневности. Например, в кандидатской диссертации В.Б. Аксенова, рассматривается революционизирующее влияние улицы как структуры повседневности на «дом» и «досуг». В частности, по мнению диссертанта, в процессе революционизирования повседневности возросло социально-психологическое значение трамвая как общественного транспорта, главная функция которого заключалась в стирании социально-экономических различий между горожанами. По мнению молодого исследователя, кризис повседневности начался с Первой мировой войной, а революция 1917 года стала важным этапом в этом процессе;³⁸

в-третьих, попытки на региональном материале построить типичные картины, характеризующие «повседневность и уровень жизни населения всей страны».³⁹

в-четвертых, обращение к производственной стороне повседневности. В этом отношении можно отметить изданные в серии «Социальная история России XX века» «очерки» повседневной истории московского Электрозавода и завода «Серп и молот»;⁴⁰

в-пятых, стремление выработать или уточнить понятийный аппарат истории повседневности.⁴¹ Например, Н.Б. Лебина, презентующая историю как совокупность окружающих человека житейских мелочей, нацеливает

³⁸ Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2002. С. 80,106,203-204,206.

³⁹ Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920-1930-е гг. (на материалах Астраханской области): Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2004. С. 176.

⁴⁰ См.: Журавлев С.В. «Маленькие люди» и «большая история»: иностранцы московского Электрозавода в советском обществе 1920-1930-х гг. М., 2000; Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивации труда на советском предприятии, 1928-1938 гг. М., 2004; Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883-2001 гг. М., 2005.

⁴¹ Поляков Ю.А. История повседневности - важное направление науки // Человек в российской повседневности: сборник научных статей. М., 2001. С. 4-17; Сенявский А.С. Российская повседневность в XX веке: теоретико-методологические подходы к изучению // Там же. С. 67-74.

анализ повседневности на выявление культурно-психологических характеристик внешне обыденных сторон человеческой жизни. Автор вводит понятие «контуры повседневности», связывая их со спецификой конкретно-исторических условий и политической направленностью властных инициатив. В частности, рассматривает советскую повседневность как неотъемлемую часть советской культуры со свойственным ей специфическим языком, системой знаков и символов;⁴²

в-шестых, показ того, как в повседневной жизни советских людей происходило замещение поведенческих норм аномалиями, а также шло вмешательство государства в быт граждан;⁴³

в-седьмых, попытки вычлениить и раскрыть новые, «советские» формы повседневности. Некоторые важные вопросы взаимосвязи повседневных и бытовых практик советского народа в 1920-е годы с закономерностями формирования массового сознания были впервые поставлены в статье С.В. Журавлева и А.К. Соколова, поднявших проблему конфликта и сосуществования традиции и новации в повседневной жизни периода нэпа.⁴⁴ Если в Германии упор был сделан на то, чтобы показать, с чем была связана достаточно широкая поддержка режима населением и сопротивление ему в период национал-социализма, то первые отечественные работы, посвященные повседневной жизни при сталинизме, подчеркивали значимость вопросов снабжения и «иерархии потребления»;⁴⁵

В-восьмых, наметившийся «дрейф» истории повседневности в сторону новой культурной истории с ее интересом к символическим аспектам повседневности.

⁴² Лебина Н.Б. Энциклопедия банальностей: Советская повседневность: Контуры, символы, знаки. СПб., 2006. С. 13,20,26.

⁴³ См., например: Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. СПб., 1999. Багдасарян В.Э., Орлов И.Б. Питейная политика и «пьяная культура» в России: век XX-й. М., 2005.

⁴⁴ Журавлев С.В., Соколов А.К. Повседневная жизнь советских людей в 1920-е годы // Социальная история. Ежегодник, 1997. М., 1998. С. 287-232.

⁴⁵ Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927-1941. М., 1999.

И, наконец, расширение хронологических рамок исследования советской повседневности. Новый для отечественной историографии пласт проблем, впервые основательно раскрытый применительно к 1920-1930-м годам, постепенно охватывает повседневность периода «оттепели», «застоя» и последующих отрезков советской и постсоветской истории.⁴⁶ Все вышесказанное позволяет констатировать тот факт, что история повседневности не только способна к саморазвитию, но и активно ищет пути новой интеграции. Вполне резонно можно ожидать, что на фоне появления многочисленных «новых историй» (новая социальная, новая локальная, новая культурная, новая политическая и пр.) на историческом небосклоне вспыхнет очередная «сверхновая».

⁴⁶ См.: Лебина Н.Б., Чистиков А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы нэпа и хрущевского десятилетия. СПб., 2003; Тяжелникова В.С. Заводское жилье в 1935 – первой половине 1960-х гг. (По материалам завода «Серп и молот») // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 98-115; Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х годов. М., 1993; Советский рабочий: духовная сфера и быт / Под ред. Е.И. Пивовара. М., 1998. и др.